

Налбандян Дмитрий
(живописец)

14.09.01

СВАДЬБА БЕЗ ГЕНЕРАЛА

Вер. издб. 2001. **Выставка живописи Дмитрия Налбандяна. Большой Манеж**

Сергей СИНЯКОВ

14 сент. — с. 7
Можно чисто теоретически себе представить, как была бы обставлена выставка Налбандяна в 70-е, допустим, годы. Место действия неизменно — тот же Манеж. Все остальное — радикально по-другому. Процедура открытия в присутствии не последних лиц государства, выступающих с краткими приветственными речами на фоне собственных, комплиментарных как в плане параметров, так и в отношении фактуры, парадных портретов. Какие-нибудь космонавты, пионеры. Увесистая, а главное, заполненная книга отзывов. Безразмерная очередь, как на прошлогоднюю зимнюю выставку Ильи Глазунова. Улыбающийся автор в строгом, согласно статусу, костюме, с цветами.

Автор умер в 93-м. Незадолго до него умер сам дух. Под выставку отведен непрестижный малый зал на третьем этаже. В основном зале размещается обширная экспозиция достижений оргтехники. Посетителям, которые идут смотреть не на ксероксы, а на Нал-

бандяна, охранники удивляются и выделяют одного служителя, который проводит вас через главный зал и в боковую дверь на лестницу. Специальные бабушки не спрашивают ни билетов, ни денег, ни удостоверения. Зал сравнительно небольших размеров, и работы висят не на всех стенах. Если бы выставку Налбандяна организовали подобным образом в тех же 70-х (а этого случиться просто не могло), то уже через неделю все ответственные кураторы обучали бы искусству рисования кувшина бесталанных посетителей школьного кружка живописи в Иваново. В подготовке выставки приняли веское финансовое участие московские власти.

Умерли автор, дух. Умерли практически все те великие мужи, которые в разное время художнику позировали. Умерли во всех отношениях. Даже в живописи. Потому что, казалось бы, уж где-где, а на выставке придворного художника своей эпохи, писавшего всех вождей, от Сталина до Брежнева, они, выполненные маслом, должны были

присутствовать, ощущать себя как дома. Персональная выставка Налбандяна без портретов лидеров — это все равно, что свадьба без генерала, банкет по поводу Дня строителя, куда не пригласили ни одного штукатура. Вместо классического «Брежнева на Малой земле», который заодно с другими официальными портретами томится в запаснике, имеем пейзажи. Натюрморты.

В принципе, концепция мотивирована и понятна. Населению решили напомнить, да что напомнить, открыть ему нового Налбандяна. Налбандяна без галстука. Того самого, что, выезжая в zahraniчные командировки, писал для души улицы Берлина, мосты Лондона, санатории Крыма, поля Индии, всегда безымянных музыкантов, стариков, сборщиков хвороста. Выстраивал композиции из полевых цветов и любовался ими, отдыхая глазом на простой красоте от безупречной фактуры сановных натурщиков. Каждая работа призвана словно бы напоминать вам, что вот где выкладывался Налбандян живой и настоящий, вот где его под-

Дмитрий Налбандян.

линный внутренний мир. Не сонм орденосцев, но тихие речки, скамеечки, люттики. Задумка, наверное, заиграла бы, окажись Налбандян пейзажистом безмерно талантливым, секретным гением. Но услуга оказалась довольно медвежьей, поскольку секретным гением Дмитрий Аркадьевич не был. Пейзажистом он был не плохим, не хорошим, а скорее, никаким. Его леса и мосты неотличимы от образов нормального советского реализма, который по сей день во множестве водится в залах ЦДХ. То есть откровения не случилось.

Если бы в Манеже выставили «Брежнева на Малой земле» или «Молодого Сталина с матерью в Гори», откровения не случилось бы тоже. Просто относительно свободный от идеологии современный зритель увидел бы огромные полотна талантливого человека, который умел писать вождей не столько настоящими, сколько живыми. Куда, кстати, более пристойными, чем откровенный Путин работы Сафронова. В конце концов, не зря же Налбандян состоял в придворных портретистах сорок лет.

Попробуйте вообразить себе сумасшедшую ситуацию, что Пушкина не печатают сто, предположим, лет. А потом, когда новые поколения успели о нем позабыть, выпускают его книгу. В книге собраны не поэмы и не программные стихи из хрестоматий, а юмористические наброски, необязательные эпиграммы на полях, матерные сонеты для домашнего пользования. Короче, то, что поэт пописывал запросто, шутки ради, для души. И за что, собственно, спрашивает себя читатель, Александра Сергеевича так полюбивали и ценили предки. ■

Советские вожди от Налбандяна. Сегодня уже и не вспомнишь — кто есть кто.